

The background of the poster is a fantastical landscape. A large, ancient stone castle with multiple towers and a central spire sits atop a lush, green island. A waterfall cascades down the side of the island. In the foreground, the head and front legs of a massive, brown, scaly turtle are visible, appearing to rise from a thick layer of white mist or clouds. The sky is filled with soft, golden light, suggesting a sunrise or sunset, with a few birds flying in the distance.

АРИСТАРХ РОМАШИН
СМЕРТЬ
ГИГАНТСКОЙ
ЧЕРЕПАХИ

ТЁМНАЯ СЕРИЯ

...никто, кроме меня, не заметил этого...

12+

Аристарх Ромашин
Смерть гигантской черепахи
Серия «Темная серия», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64463436

SelfPub; 2021

Аннотация

Привычный мир рушится, когда Кирилл замечает в небе стаю застывших ворон. Никто, кроме него, не видит этого. Пытаясь разобраться в происходящем, Кирилл избегает встречи со своей любимой. Когда же он замечает, что не только птицы или животные превращаются в экспонаты музея восковых фигур, но и люди в том числе, то просит девушку переехать к нему. Сможет ли он уберечь свою любимую от надвигающейся беды?

Содержание

I	4
II	10
III	16
IV	22
V	28

Аристарх Ромашин

Смерть гигантской черепахи

I

Никто, кроме меня, не заметил этого. Даже моя девушка.

Мы с друзьями вышли из торгового центра, в здании которого располагался кинотеатр. Всё ещё находясь под впечатлением от увиденного, мы, горячо обсуждая фильм, незаметно дошли до дороги. После того как на светофоре для пешеходов загорелся зелёный свет, а для машин красный, мы с остальными прохожими стали переходить пешеходный переход.

На улице стоял апрельский бодрящий холод. Небо было безоблачным. День ещё не ушёл, а вечер не спешил наступать.

Когда мы оказались на другой стороне улицы, внезапно появилась стая ворон, которая принялась кружиться над нами со своей пронзительной песней.

Ничего необычного. Такое каждый день можно увидеть или услышать.

Но не то, что произошло потом.

Карканье прекратилось так же неожиданно, как и началось. Периферическим зрением я видел чёрную разбросанную по небу полосу. Это заставило меня поднять голову и понять, что птицы не только прекратили каркать, но и летать. Они просто застыли в небе, словно кто-то нажал на паузу при просмотре фильма.

Я резко остановился, чтобы как следует разглядеть это необычное явление.

– Что такое, любимый? – спросила моя девушка.

Она была моложе меня на пять лет. Стройная, с длинными светлыми волосами, карими глазами и красивым лицом. Когда она улыбалась, на её щеках с двух сторон образовывались ямочки, которые делали её красоту ещё более неотразимой.

– Смотри, Алина, – показал я указательным пальцем на небо. – Вороны застыли в небе и не кружатся.

Алина подняла голову, потом снова взглянула на меня и сказала:

– Да, посмотрелся ужастиков, и теперь у тебя глюки, дорогой.

– В смысле? – удивился я. – Ты не видишь того же, что и я?

– Почему не вижу? – ответила она, обнимая меня. – Вижу стаю кружащих и каркающих ворон над нами.

– Ну что вы там застряли? – крикнули нам друзья, два парня и две девушки, которые только теперь заметили, что мы отстали от них.

– Пойдём, дорогой, – прошептала Алина, взяв меня за руку.

– Подожди, – выхватил я руку и снова показал на небо. – Как ты можешь видеть кружащую стаю, когда она застыла, словно кадр из фильма?

Она смотрела на меня так, будто перед ней стоял не её любимый человек, а сбежавший из клиники сумасшедший.

Я непринуждённо улыбнулся:

– Ага, купилась!

– Вовсе нет! – сказала она. – Просто на секунду показалось, что ты сам веришь в то, что говоришь.

«Я верю в то, что вижу», – подумал я, но вслух сказал:

– Хороший из меня актёр?

– Аль-Пачино! – поцеловала меня Алина, – тебе надо было стать актёром, а не художником.

Мы догнали друзей. На их вопросы, почему мы застряли, Алина ответила: «Кирилл решил подшутить надо мной, убеждая в том, что вороны в небе застыли и не кружатся».

На что друзья сквозь смех ответили:

– Ну а что ты хотела? Не зря же он у тебя художник. Фантазёр.

Значит, и они не видели того, что видел я.

Возле метро мы с Алиной попрощались с нашими друзьями, после чего я проводил её до дома. Она жила в том же районе, где находился торговый центр.

– Родители на даче. Зайдёшь? – спросила она у двери в

квартиру, повиснув на мне и теребя мои волосы.

– Прости, не сегодня, – сказал я и поцеловал её.

Однако целовал я свою девушку как бы механически, ничего в тот момент не чувствуя, так как моя голова была занята другим. Видимо, поэтому поцелуй получился сухим, что, естественно, не осталось без её внимания.

– Всё в порядке? – встревожилась она.

– В смысле?

– Ты вроде как со мной, но в тоже время тебя здесь нет.

– Прости, дома слишком много недоделанной работы.

– Жаль... Я думала, ты сегодня останешься у меня.

– В другой раз обещаю, – снова поцеловал я Алину, но на этот раз вложив в поцелуй всю свою страсть.

– Вот теперь я верю, что ты со мной, – прошептала мне на ухо Алина.

Уже по пути к метро я то и дело поглядывал на небо, там и сям видя зависшие в воздухе тельца ворон. Прохожие, сновавшие туда-сюда, не обращали на необычную картину никакого внимания.

Ночь успела к тому времени обволочь город сумерками, поглядывая сверху на людей миллиардами светящихся глаз.

Погружённый в свои мысли, я вошёл в здание метро. И хотя часы на моём запястье показывали десять вечера, подземный муравейник кишел людьми. Толпа, словно живая лава, проглотила меня и понесла вниз по эскалатору. Как только я оказался в вестибюле, справа от меня из квадратной но-

ры появился длинный железный червь, который, остановившись, принял меня в своё брюхо, и, издавая скрежет металлическими лапами, повёз в сторону дома.

Выйдя на своей станции, я быстрым шагом направился к выходу. На улице первым делом бросил взгляд на небо, но никаких застывших ворон не увидел. Оставляя по правую руку мясную лавку и двух бездомных собак, стороживших свою кормушку, я свернул с асфальта на протоптанную людьми дорожку, которую с двух сторон сопровождали деревья.

Я тщетно пытался разглядеть хотя бы одну ворону, но почему-то мне на глаза они больше не попадались. Может, действительно, мне просто показалось то, что я увидел после выхода из кинотеатра? Ведь никто кроме меня не заметил застывшую стаю ворон в небе...

Переступив порог своей квартиры, я первым делом отправил эсэмэску Алине, что домой доехал в целости и сохранности. Ответ не заставил себя долго ждать: «Отлично, дорогой. А я уже легла. Ты скоро?»

Написав, что я лягу после того, как закончу с работой, я добавил: «Спокойной ночи», а рядом смайлик, посылающий поцелуй-сердечко.

Получив в ответ свою порцию поцелуев и пожелание сладких снов, я вошёл в записную книжку смартфона и, отыскав телефон менеджера, позвонил ему.

Работать я, конечно же, не собирался, из-за чего на душе

был неприятный осадок потому, что мне пришлось соврать любимой. Но успокаивал я себя тем, что это была безобидная ложь.

После трёх гудков менеджер поднял трубку. Я пожаловался ему, что неважно себя чувствую (ещё одна ложь), и попросил его дать мне честно заработанный мною двухнедельный отпуск. Так как в целом я работал хорошо и за мной не водилось задержек со сдачей проектов, он безо всяких вопросов согласился, сопроводив своё согласие словами:

– Как только почувствуешь себя лучше, постарайся до конца месяца сдать проект.

– Конечно, обязательно. Он почти готов. Осталось чуть-чуть.

– Хорошо. Выздоровливай, Кирилл!

– Спасибо! Буду стараться.

Я не имею привычки обманывать людей, и даже если это незначительная ложь, я всё равно чувствую себя некомфортно, но в данном случае иначе было нельзя. И потом интуиция подсказывала, что лучше эти дни не отвлекаться на работу, а попробовать разобраться в том, что происходит.

II

Прежде чем продолжить свою историю, разрешите мне вкратце рассказать о себе. Зовут меня Кирилл. Мне тридцать лет. Я высокий, худощавый мужчина с тёмными волосами. Глаза у меня серого цвета с золотистым отблеском.

Я работаю дизайнером в компании, выпускающей настольные игры. В свободное от работы время пишу картины.

С Алиной я встречаюсь около пяти лет, но на все её попытки съехаться отвечаю отрицательно, говоря, что мне, как творческому человеку, нужна свобода. Однако на самом деле причина моего отказа не в этом, а в том, что мои родители, пока были живы, часто ссорились, и почти всегда поводом для начала конфликта мог послужить любой пустяк. Папа в порыве гнева кричал маме, что она до того, как они поженились, была совсем другой, и если бы он знал, что она так изменится, то никогда бы не женился на ней. Уже после их смерти я дал себе слово, что никогда не женюсь, чтобы похожая ситуация не произошла и со мной.

А ещё мой папа был большой врун. Он обманывал всех: и мою маму, и свою маму, и друзей, и даже меня. Он никогда не сдерживал данных мне обещаний, каждый раз придумывая очередную ложь, чтобы оправдать предыдущую. Я не хотел быть похожим на отца, поэтому, повзрослев, я дал себе слово, что буду стараться всегда говорить правду. Но, увы,

мне не всегда удаётся сдержать данное себе слово.

На следующее утро я, проснувшись и позавтракав, вышел во двор в семь часов утра. Солнце ещё не успело выглянуть, поэтому я ощущал лёгкую прохладу. Я взял с собой ручку и блокнот, чтобы записывать свои наблюдения.

Ворон, которых я не смог вчера заметить в своём районе, сегодня было много: часть из них застыла в небе, другая сидела неподвижно на ветках. Приглядевшись, я отметил, что на этот раз не только вороны застыли, но и голуби тоже.

Кроме меня во двор вышла женщина с шестилетним ребёнком, они подкидывали птицам корм. Но пернатые, когда я посмотрел в их сторону, не подлетали к еде, а просто зависли в воздухе перед кормильцами.

«Интересно, – подумал я, – Неужели они не видят того, что вижу я?» – пришёл к выводу, что эту необычную картину лицезрел только я. А ещё возникла мысль: «А как ситуация выглядит в других местах?»

Решив получить ответ на свой вопрос, я за день побывал в разных парках Москвы, прошёлся по Красной Площади, съездил даже в Бутово. Увы, нигде я не увидел летающих и не услышал чирикающих птиц.

Все они застыли, словно чучела...

Целый день до меня пыталась дозвониться Алина, но я написал ей эсэмэс, что не могу говорить, а потом совсем отключил телефон. Домой приехал под вечер, уставший и голодный. Приготовил себе ужин. Хотел перенести все свои

наблюдения на холст, но кисть в моих руках отказывалась меня слушаться. Да и как можно на картине передать увиденное мною?

Оставил решать эту головоломку на потом, но утром меня ждал новый сюрприз.

До этого я ещё как-то пытался понять причину происходящего, но сегодня подумал, что я, наверное, просто схожу с ума, видя то, чего не видят остальные. Моих родителей давно нет в живых, родственников не осталось, поэтому узнать, были ли в нашей семье больные шизофренией, я ни у кого не мог.

В небе ничего не изменилось. Птицы как застыли два дня назад, так и не двигались, но теперь к ним присоединились и животные.

Стоило мне выйти из подъезда, как я заметил дворового кота. Он вцепился когтями в ствол дерева и, видимо, хотел подняться выше, но замер, словно восковая фигура. Я не поленился подойти и потрогать кота. Несмотря на то, что на улице было прохладно, его тельце было тёплым.

Занеся свои наблюдения в блокнот, я направился в сторону метро, вспомнив, что часто видел бездомных собак рядом с мясной лавкой. По дороге мне не встретилась ни одна собака или кошка, но верные сторожи кормящей их лавки были, как всегда, на месте: огромный рыжий пёс и маленький лохматый щенок. Уличные псы и раньше не отличались особой подвижностью и только слегка подёргивающиеся кончи-

ки ушей говорили о том, что в них ещё течёт жизнь. Я бросил в сторону псов ломтик хлеба, но животные так и не сдвинулись с места. И уши в этот раз не двигались.

Тогда я направился в сторону торгового центра. По пути мне попались ещё две бездомные собаки, застывшие, словно музейные экспонаты. Самое странное было в том, что я в этот день не видел ни одного человека, который бы выгуливал собаку. Мне было интересно посмотреть на то, как это могло бы выглядеть. Но даже очередная вылазка по Москве ничего не дала.

Где-то в середине дня позвонила Алина, на этот раз я ответил:

– Алло.

– С тобой все хорошо, дорогой? – тревожно поинтересовалась она.

– Да, милая, а разве должно быть плохо?

– Не знаю, ты после кинотеатра, как черепаха, спрятался в панцирь. Что случилось?

Алина, как и все женщины, была чутким человеком. Сказать ей, что всё хорошо, значило вселить в неё ещё большую панику. Поэтому мне пришлось прибегнуть к тому, что объяснило бы ей всё происходящее.

– Кажется, у меня появилась интересная идея для картины, – сказал я, и в целом это не было ложью.

– Точно?

– Конечно, ты же понимаешь, чтобы творить, мне нужно

на некоторое время закрыться ото всех, но это не значит, что я тебя разлюбил.

– Очень и очень надеюсь на это!

– Просто знай, что я люблю тебя, – нежно прошептал я.

– Хорошо, дорогой, – облегчённо вздохнула Алина. – Ты хотя бы эсэмэски пиши, не пропадай совсем.

– Хорошо.

– Значит очень скоро ты представишь миру новую картину или, может, их будет несколько?

– Возможно, – ответил я.

– Ладно, любимый, – прошептала она. – Держи меня в курсе.

– Хорошо, милая.

Домой я, как и вчера, добрался ближе к вечеру, чувствуя себя разбитым. Ноги отяжелели, словно вместо крови в венах циркулировало серебро, и болели так, будто ещё чуть-чуть – и они взорвутся.

Я принял душ. Потом поужинал. В гостиной у меня находились мольберт и краски. Я взял кисти в руки и снова попытался передать эпизод, который застал меня на выходе из кинотеатра, но не понимал, как приступить к картине.

Оставив непутёвые попытки, я направился в спальню. Перед порогом в комнату я остановился. В прихожей, которая соединяла гостиную и мою спальню, горел свет, поэтому я легко различил большую муху, повисшую в воздухе чуть выше моей головы. Никаких жужжаний и резких движений.

Муха просто висела в воздухе. Я большим и указательным пальцами зажал её круглое тельце и приблизил к глазам. Видимо, я не рассчитал силу давления, потому что одно крылышко, которое было твёрдое, словно из пластмассы, отвалилось. Я подкинул муху кверху. Она, не долетев до потолка, застыла, так и не упав.

Уведомление о входящем сообщении заставило меня вздрогнуть.

Это была Алина. Она спрашивала, как я себя чувствую. Написал, что всё хорошо. Спросила про картину. Ответил: «Потихоньку». И тут же следом отправил сообщение, где пожелал ей сладких снов. Видимо, понимая, что я не хочу продолжать переписку, она тоже пожелала мне хороших снов.

В глубине души я понимал, что люблю Алину, что она мне дорога, но, помня о том, что я сын своего отца, я не желал причинять ей боль в потенциальном будущем. Да, сейчас я другой, да, во мне больше благородства, чем в моём отце, но никто не может сказать, что будет завтра. Может, я в корне изменюсь и из доброго и нежного превращусь в злого и грубого лгуна...

И потом, лучше мне самому разобраться в той чертовщине, что со мной приключилась.

Но то, что произошло на следующий день, вынудило меня отказаться от идеи одному разобраться во всём.

III

Проснувшись утром, я первым делом бросился к окну и увидел то, что искал днём ранее.

Мне стало страшно, но не за себя, а за Алину. Я кинулся к телефону.

– Алло, – услышал я её заспанный голос.

– Прости, что разбудил, – сказал я, успокоившись. – Ты ещё не выгуливала Джема?

– Нет, мама его забрала к себе на недельку, а что?

– Собирай вещи, я сейчас приеду за тобой.

– А что случилось? Вдохновение ушло?

– Нет, ничего не ушло, но я хочу, чтобы ты на этот раз была со мной. Бери побольше вещей. Некоторое время ты поживёшь у меня.

На несколько секунд телефон умолк.

– Алло, ты тут, Алина?

– Ты точно этого хочешь, дорогой?

– Конечно, радость моя! Собирайся, через часик приеду за тобой.

И отключился.

Теперь к застывшим птицам и животным добавились люди. Не все, лишь те, кто выгуливал своих питомцев.

У Алины был терьер, с которым она каждое утро совершала прогулку. Увидев на улице застывшую женщину с со-

бачкой, я, естественно, испугался за свою девушку.

Почистив зубы и переодевшись, я, не завтракая, выбежал из дома. По дороге к метро я заметил несколько людей, гулявших со своими животными. Вот дама в красном свитере и с собачкой на поводке. А вот курносый мальчик, на руках которого чёрный кот. Вот мужчина с большим животом, выгуливающий маленькую собачку. Каждый, кого я встречал, застыл со своим питомцем, словно кто-то решил превратить город в музей восковых фигур. И даже в метро мне на глаза попались несколько человек с собачками на руках, застывшие, словно статуи.

Доехав до станции Алины, я выскочил наружу: она уже стояла у входа в метро. Её лицо сияло. Ямочки на щеках соблазнительно привлекали. В руках она держала рюкзак. Я крепко сжал девушку в объятьях и нежно впился в её губы.

– Хм... – была приятно удивлена она. – Таким ты мне нравишься больше.

Я засмеялся, поднял её и закружил.

Прохожие у входа в метро смотрели на нас, кто с восхищением, кто с завистью. В метро мы молчали. Я прижимал Алину к себе, боясь, что если выпущу, то потеряю навсегда. Весь путь от метро до моего дома я не отпускал руку Алины. В другой руке я нёс её рюкзак.

– Почему такой лёгкий?

– Я собрала вещи примерно на два-три дня, а что?

– Ты побудешь у меня больше, чем пару дней.

Она посмотрела на меня.

– Почему?

– Что почему?

– Почему ты вдруг захотел этого?

– Потому что ты мне дорога.

И это было правдой.

Застывшие люди с питомцами, которых я видел два часа назад, никуда не исчезли. Я старался не смотреть на них.

Переступая порог моей квартиры, Алина всё ещё не могла поверить в происходящее.

– Это точно ты? – спросила она, трогая мое лицо.

– Ладно, моя хорошая, – улыбаясь, обнял я Алину. – Квартира в твоём распоряжении, а мне нужно ненадолго уйти по делам.

– Это куда ещё? – возмутилась она. – Притащил меня, а сам сбежать решил?

– Милая, ты забыла, я собираю материал для новых картин. Плюс надо еду закупить, чтобы не выходить на улицу и всю неделю быть с тобой, – поцеловал я Алину.

Мой ответ ей понравился, и она согласилась отпустить меня.

«Как хорошо, что Алина отдала своего терьера маме», – подумал я, возвращаясь домой с продуктами.

Алина приготовила ужин. Мы отметили её переезд бокалом вина, а потом пошли в спальню.

Оказалось, что в совместном проживании есть и свои

плюсы. Алина помогала мне в готовке еды и по хозяйству. Мои чувства к ней не остывали, а, наоборот, крепили с каждым днём. Я осознал, что никогда, никогда не поступлю, как мой отец. Я всегда буду любить свою девушку и уважать её. Возможно, мои страхи потери одиночества были напрасными.

Попытки передать через рисунок всё происходящее вокруг снова не дали результатов. Картина сама по себе – это уже одно застывшее и вырванное у жизни мгновение. Я решил бросить свои попытки и вместо этого принялся записывать в тетрадь всё, что начало происходить с того дня, как мы вышли из кинотеатра.

Где-то на четвёртый день, выглянув в окно, я заметил новую странность. Перестали ездить машины. Люди за рулем и их пассажиры так же застыли, как птицы, животные или прохожие, выгуливающие своих питомцев. Но прохожие без животных и машин свободно ходили туда-сюда.

Страх, словно беспощадный монстр, сжал моё сердце. Если и дальше так пойдет, то очень скоро и они застынут, а значит, и Алина...

Я прижался к ней, отвлекая от приготовления завтрака.

– Что случилось, дорогой?

– Люблю тебя, – прошептал я и принялся нежно целовать её.

– Прилив нежности, – рассмеялась она, отвечая взаимностью.

Завтрак пришлось оставить на потом, так как мы вернулись в постель. Уже после, продолжая прерванный завтрак, Алина тревожно сказала мне:

– Что-то мама не звонит который день и не берёт трубку. Я, стараясь не смотреть на неё, сказал:

– Не переживай, она взрослый человек, может, в гостях, а телефон дома оставила.

– Не знаю, я никогда за ней такого не наблюдала.

– Если не выйдет на связь, то мы можем съездить к ней, хорошо?

– Да, милый, – одарила меня нежной улыбкой Алина.

Но съездить к её маме нам не удалось...

Прошло ещё два дня. Еда заканчивалась, но мне не хотелось оставлять Алину одну. Я предложил ей пойти со мной, однако она отказалась, пожелав остаться дома. Поцеловав в губы, Алина попросила меня не задерживаться.

Оказавшись на улице, я, стараясь не обращать внимания на наполовину обездвиженный мир, кинулся к ближайшему продуктовому магазину. Несмотря на то, что снаружи часть живых существ превратилась в восковые фигуры, в магазине было довольно живо. Стоял гул.

Я купил всё необходимое и направился к выходу. Когда же я открыл стеклянную дверь, произошло то, что заставило меня похолодеть. Гул голосов внезапно прекратился. В отражении стекла я увидел то, чего опасался больше всего.

Я медленно повернулся.

Все застыли.

И продавцы, и покупатели. Одни застыли, считая деньги, другие – рассматривая продукты, уборщица – вытирая полки.

Я выбежал на улицу. Теперь обездвижен был весь мир. Застыли все, кроме меня. Это вселяло надежду, что с Алиной всё в порядке. Не помню, как я добежал до дома, как взлетел по лестнице, как открыл дрожащими руками входную дверь, как направился на кухню...

IV

...Сумка с продуктами выпала из моих рук. Я упал на колени и прижался к своей любимой. В одной руке у неё была ложка, а в другой – крышка от кастрюли. Моя милая Алина застыла, словно статуя. Я встал, освободил руки девушки, снял с неё фартук и, подняв на руки, понёс в спальню. Там я уложил её на кровать и накрыл одеялом.

Все последующие дни я делал то, что никогда себе не позволял – напивался. Мне хотелось думать, что всё происходящее – сон, фантазии моего пьяного ума и стоит мне протрезветь, как мир снова станет прежним.

Вместе с отрезвлением я получал не только понимание того, что алкоголь мне не помог, но и тяжёлую голову и сухость во рту. Пришлось мне отказаться от неудавшейся пьянки.

Я решил спать в гостиной, так как вид обездвиженной Алины причинял невыносимую боль. Апрель плавно перетёк в май. Еда заканчивалась, и я, как сталкер, выбирался из дома на поиски добычи. Было непривычно набивать рюкзак едой и не платить за неё.

На улице всё оставалось по-прежнему: птицы, животные, люди были обездвиженными и безмолвными.

При очередной своей вылазке я заметил, что абсолютная тишина, которая воцарилась в городе, позволяла услышать лёгкий шелест листьев. У меня появилась мысль погулять в

парке. В районе, в котором я жил, парк находился неподалёку от моего дома. Поэтому, разгрузив еду в холодильник, я сразу же вышел обратно.

Окружённый берёзами и цветочными клумбами, я сидел на скамейке, прислушиваясь к шелесту листьев и вдыхая полной грудью запах цветов. Мне не хватало пения птиц, голосов детишек и их мам, гуляющих по парку. Если быть точным, то они были. И птицы, и женщины с колясками, и просто люди на прогулке. Мне не хватало живых.

По пути домой, мой взгляд упал на витрину магазина, где в аквариуме плавали рыбки.

Живые!

Я пересёк улицу, по привычке оглядываясь по сторонам, опасаясь внезапно выскочившей машины из переулка. Потом усмехнулся. Какие машины? Всё замерло. Всё и все, кроме меня...

И рыбок.

Магазин «Всё для аквариумов» был открыт. Внутри слабо освещаемого помещения я увидел толстую продавщицу, которая застыла за прилавком со смартфоном в руках. Помещение было заполнено аквариумами разных форм и объёмов, а также сопутствующими принадлежностями. Из всех аквариумов с рыбками в живых оставались только те, что плавали в аквариуме на витрине. Остальные рыбки лежали на дне своих стеклянных океанов.

Я подошёл поближе, немые обитатели аквариумов расто-

пырили на меня свои глазки и беспомощно двигали ртами. Компрессор пузырил воду, обеспечивая маленьких золоти-стых рыбок кислородом. Я осмотрелся, на одной из полок нашёл корм и тут же покормил их. Шесть золотых рыбок устре-мились к еде. Представляю, сколько времени они обходились без корма. Удивительно, что они вообще живы...

Услышав шорох за своей спиной, я резко обернулся.

Продавщица оставалась на месте.

Снова шорох.

Слева от меня.

Там находился длинный аквариум, в котором не было во-ды, а только песок и замок из песка. Я подошёл к стеклян-ному аквариуму и снова услышал шорох. За песочным замком торчала мордочка черепахи.

Живой черепахи!

Я обрадовался и потянулся к ней. Черепаха спрятала мор-дочку в круглый панцирь.

Оглянувшись к рыбкам, я пообещал:

– Буду приходить к вам три раза в день.

И вышел из магазина с черепахой в руках.

Дома, положив черепаху на ковёр, я бросился к ноутбуку: несмотря на то, что всё человечество превратилось в воско-вые фигуры, свет, газ, вода и даже интернет подавались бес-перебойно. Правда, каналы по телевизору не вели трансля-цию, а из радиоприёмника доносился только белый шум.

Набрав в поисковике, чем кормить черепах в домаш-

них условиях, я изучил огромное количество информации, прежде чем начать кормить своего гостя.

И хотя раньше я был сторонником одиночного времяпрепровождения, теперь, когда вселенная исполнила этот пункт буквально, оставив меня самым ужасным образом наедине с самим собой, я осознал, что был немного не прав в своих суждениях. Да, человеку, особенно творческому, полезно иногда проводить время в одиночестве, но абсолютное одиночество, когда не с кем поговорить, когда не слышишь гул голосов, когда твой любимый человек...

Нет – это ужасно!

Поэтому я безумно радовался появлению в моей жизни живой черепахи и живых рыбок, которых я кормил каждый день.

Однажды, читая книгу и периодически наблюдая за своим новым дружком, который старался обследовать каждый уголок моей гостиной, я почувствовал новое изменение, но не мог пока объяснить себе, какое. Так как окна моей гостиной были открыты и оттуда можно было увидеть цветущие зеленую деревья, я в первую очередь, отложив книгу, выглянул из окна. Наблюдая за листьями деревьев, я внезапно понял, что меня беспокоило...

Прекратился шелест листьев. Я стал разглядывать каждое дерево, которое находилось в поле моего зрения. И хотя из окна чувствовался лёгкий гуляющий уличный ветер, листья оставались неподвижными. Более того, пропали запахи. Я не

чувствовал запах берёзы и цветочных клуб внизу. Значит, непонятное явление, которое меня окружало, вошло в новую стадию. Если до этого были обездвижены люди и весь животный мир, то теперь настал черёд флоры.

Я взглянул на часы, время близилось к обеду. Пора идти кормить рыбок.

– Я сейчас вернусь, – бросил я черепахе, которой, судя потому, как она упёрлась в угол комнаты, и дела до меня не было.

Чувствуя, как ветерок обдувает моё лицо, я, старясь не обращать внимания на застывших людей на улице (лица которых я уже запомнил), дошёл до магазина и замер...

Золотистые рыбки лежали на дне аквариума.

Мёртвые.

Мне стало больно. Хотелось кричать. Но я сдержал себя. Развернулся и направился в сторону дома. Когда до моего подъезда оставалось несколько шагов, в голове возникла мысль, острым концом пронзившая мою голову.

Черепаша!

Я, как уже однажды было, молниеносно взлетел по лестнице, открыл дверь, которую я теперь не закрывал на засов, и ворвался в гостиную...

...По слегка свисавшей головке черепахи стало понятно, что её время истекло.

Я снова остался один.

Подняв черепаху, я отнёс её в спальню, где лежала Алина,

и положил у ног своей девушки. Ни разу не взглянув на любимую, я вышел и закрыл дверь спальни.

В тот же день произошло новое событие. В тот день так и не пришла ночь. Я ждал до трёх часов, но ни луны, ни ночью покрывала с блестящими алмазами на небе не было. Только синее небо и солнце, угадываемое за облаками. Несмотря на это мои биологические часы работали в прежнем режиме: я зевал, и глаза слепились.

Я лёг на раскрытый в гостиной диван, укрылся и, прежде чем уснуть, попытался найти ответ на вопрос, почему я все ещё «жив»?

V

Вместо ответа через два дня я почувствовал, как мои мысли стали замедляться. И даже движения стали заторможенными: например, если я поднимал или поворачивал голову, как мне казалось, с обычной скоростью, то глаза мои воспринимали всё происходящее, словно в замедленной съёмке. Значит, подумал я, и меня ждёт та же участь, что и остальных. Я несказанно обрадовался этой мысли. Невыносимо было оставаться в сознании в мире, в котором исчезла жизнь и остановилось движение. Я, как смог, записал все свои ощущения в тетрадь, положил её на тумбочку в спальне и лёг рядом с Алиной. Если и мне суждено застыть на век, то я хочу быть рядом со своей любимой.

Я закрыл глаза и постепенно погружался во тьму...

... Через несколько минут душа Кирилла отделилась от тела.

Если мы покинем комнату и поднимемся выше, оставив внизу крыши домов, если мы устремимся к небу и выйдем за пределы облаков, за пределы голубого ореола, который окружает планету, если мы устремимся ещё выше, оставив под собой шар Земли, если мы покинем Галактику, в которой находилась данная Земля и, оставляя за собой галактику за галактикой, будем подниматься всё выше и выше, то уви-

дим, что не только Земля, но и вся Вселенная остановилась.

Дабы понять, что происходит, нам нужно перейти в иное измерение, которое невозможно описать словами, поэтому давайте представим его в виде маленького островка, плавающего в абсолютной пустоте. На этом острове представим пять медитирующих гигантских черепах, одна из которых умирает.

Черепахи – это трансформированное сознание людей, которые когда-то жили на другой планете и в другом времени. Полностью посвятив себя духовным практикам и медитации, эти люди покинули свои тела и перешли в иное состояние и в другое измерение, где они смогли продолжить свое духовное просветление.

Погружаясь в себя всё глубже и глубже, они научились создавать собственные миры, своих живых существ, для которых они были Высшим Разумом.

Одна из пяти гигантских черепах умирала. Но смерть – это не конец, а начало новой жизни. Покидая своих собратьев, черепаха перешла на ещё одно измерение выше, где она будет ждать остальных просветлённых.

В новом измерении черепаха обрела другой облик. Его также невозможно описать словами, поэтому представим, что черепаха превратилась в гигантского аиста.

Устроившись на из ниоткуда появившемся островке, плавающем в абсолютной пустоте, аист, закрыв глаза, продолжил медитацию, глубоко погружаясь в себя и устанавливая

связь со своим аватаром.

Аист, пробираясь через дебри бесчисленных галактик, оказался в той, что была нужна ему.

Он нашёл нужную планету.

Проник сквозь её атмосферу.

Прошёл сквозь облака.

Стал спускаться все ниже и ниже, пока неясные очертания не приобрели форму города.

Нашёл нужный дом.

Нужную квартиру.

Вдохнул жизнь в своего аватара...

... Я открыл глаза. Встал и направился к окну. За окном ничего не изменилось, но теперь я знал, что это ненадолго. Теперь я понимал всё произошедшее со мной.

Я ощущал себя единым целым со всем миром, со всей Вселенной, с каждым человеком, с каждым живым существом, с каждым атомом. Теперь я понимал, что мы все – частички Высшего Разума. Да, у каждого из нас свои задачи, своё предназначение, но у всех единая конечная цель. И от того, как хорошо мы справимся со своим предназначением, зависит, насколько дальше продвинется в своём развитии Высший Разум, ещё на один шаг приближаясь к Вечному Абсолюту.

Я был благодарен Высшему Разуму за то, что он открыл мне это знание. Также я понимал, что скоро забуду всё, что

со мной произошло.

– Ммм, – услышал я Алину и сел на край кровати.

– Проснулась, моя хорошая, – сказал я ласково.

– Ага, – потягиваясь, ответила она.

– Как же ты прекрасна, – прошептал я и, притягивая к себе, впился в её теплые и податливые губы.

– Выйдешь за меня? – спросил я после длинного поцелуя.

Алина удивленно посмотрела на меня, потом её глаза радостно засияли.

– Так-так, – нахмурилась она, – сделать предложение де-вушке в постели – это что-то новое. А где кольцо?

– Всё будет, любимая, – пообещал я, обнимая Алину.

– Ой, а это кто?

– Это черепаха, – улыбнулся я и поднял черепаху, которая тут же спрятала мордочку под панцирь.

– То, что это черепаха, я вижу, – улыбнулась Алина, показывая соблазнительные ямки на щеках. – Раньше же её не было, когда ты успел?

– О, ты мне, не поверишь.

– А ты попробуй.

– Ммм... Я принёс её, когда ты спала, – ответил я и положил черепаху рядом с нами.

Алина рассмеялась и потянулась ко мне.

Я сильно, но в тоже время нежно прижал её к себе.

А за окном послышался шелест листьев.

Послышались шаги.

Пение птиц.

Гул голосов.

Лай собак.

Звук моторов.

Мир снова ожил.